

Сост., вступ. статья и примеч. Г. Г. Елизаветиной.
М.: Сов. Россия, 1982.
OCR Ловецкая Т.Ю.

Несколько мгновений из жизни графа Т***

I

Граф Т*** был рожден с душой пылкою, способною ко всем сильным ощущениям: свободное воспитание развило ее способности. До пятнадцати лет прожил он в деревне, где должен был, по некоторым причинам, оставаться отец его. Это обстоятельство спасло в нем многое: мелкие, ничтожные побуждения светского юноши были ему незнакомы; он не умел отделять слов от мыслей, в детстве не разыгрывал мужа, в юности -- старца; не стыдился чувствовать, верить; не посягал на религию из приличия и не молился из слабости. Природа была его наставницею; он свyksя с нею, сочувствовал ей, считал ее разумной и любящей. Надобно сказать, что уроки доброго, умного отца способствовали ему видеть природу и жизнь с настоящей точки зрения. Отцу обязан был он святыми началами, которые без сознания навек залегли в его сердце, составили часть бытия его, образовали из него то, чем он был.

Приехав в столицу, Т*** в первый раз испытал неприятную борьбу с жизнью. Отец его имел связи, знакомства, которые должен был поддерживать; молодой Т*** явился в обществе, скрепя сердце выдержал первую атаку дядей и теток и поступил на другие мытарства: подвергся испытательным взорам кузин всех возрастов, выслушал несколько несомненных истин и ходячих острот от молодых братцев. Двусмысленной улыбкой (он должен был с ней познакомиться) подавляя в себе удивление и досаду, он думал, что по воле своей может удалиться из этого чуждого ему мира и только изредка в него заглядывать. Но этого нельзя было сделать иначе, как оставив Москву. Оставить ее значило отказаться от всех радужных надежд. Эти надежды были не кресты, не чины, не блистательное положение в обществе: нет! душа его жаждала познаний; здесь думал он удовлетворить святому стремлению к истине, найти руководителей и спутников, заключить с ними союз братства и рука в руку переплыть житейское море, победить его бури, укротить безумные волны. Да! сильно воздымали грудь его эти думы; душа его была открыта миру и людям. Но мир и люди обманули эту душу: скорбя, она не утратила ни надежд, ни сил; только к прежним чувствам ее прибавилось новое: презрение. Он скоро привык к новому миру и новому чувству: с улыбкою вмешался в толпу, не говорил о том, что выше ее; приобрел блаженную терпимость, и даже пустился в танцы, желая узнать короче создания, которым, по его понятиям, природа определила представлять на земле красоту и любовь. Граф был высок, статен, умен, бледен, черноглаз, черноволос, богат и притом же граф: он скоро успел узнать их и, как будто стыдясь побед, сошел с паркетного поприща. Героини его немножко бессовестно расточали перед ним свою любезность: теперь они начинали говорить злости, тем более, что граф сам был немножко зол. Змея обвивалась вокруг души его: удивительно ли, что речи его были ядовиты? Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все это совершалось в течение нескольких лет. Граф успел окончить университетский курс, успел сблизиться со многими людьми, достойными приязни, и с одним более, нежели с другими. Это было необходимо. Никакое чувство не терпит раздробления: оно ищет сосредоточиться на одном предмете и сосредоточивается на нем, когда он может заменить все другие. Т*** не знал ни в чем середины: приязнь его скоро обратилась в горячую дружбу, восполнившую для него недостаток любви; друг вполне принадлежал ему, но судьба разомчала их по разным путям. Мануил (имя друга) засел уже в департаменте, между тем как Т*** должен был оставаться в Москве. Это имело большое влияние на графа: смело и неуклонно шел он на пути к истине, не щадил себя, твердо выслушивал ее приговоры, грозившие гибелью лучшим его мечтаниям, не останавливался и шел вперед. Участь саисского юноши, преждевременно осмелившегося поднять таинственный покров Изи́ды, начинала уже представляться его воображению; системе за системою созидалась и разрушалась в уме его; он уже начинал сомневаться, не слишком ли много надеется на мощь своего ума; все утешительное каждой системы гибло без возврата, а леденящие сомнения все умножались!

Пламенная, любящая душа друга доселе спасала графа; без него ум, не останавливаемый в своем